

“собственное движение без оглядки — мое кредо”

выставка «Памяти Гарифа Басырова» в ГТГ

II СЕРГЕЙ САФОНОВ

Чуть больше сорока дней потребовалось сотрудникам отдела современной графики Третьяковской галереи, чтобы в залах на Крымском валу подготовить экспозицию работ художника, ушедшего из жизни на излете минувшей високосной зимы. Случай беспрецедентный, но таково уж, видно, отношение музейных сотрудников именно к Гарифу Басырову.

Гариф Басыров мог прочувствовать и уметь запечатлеть время. Два зала, отведенные для его первого мемориального показа, расположены в конце постоянной музейной экспозиции отечественного искусства XX века. Хотя в последние годы здесь неизменно случаются выставки. Вот и сейчас: сначала проходишь через юбилейную, по случаю восьмидесятилетия, развеску холстов Оскара Качарова. Краем глаза выхватываешь геометрические фигуры, все эти стронциево-желтые, кадмиевые и кобальтовые всполохи внутри строгой геометрии, умиротворенно отмечаешь — вот они, шестидесятые; физики — лирики, алгебра — гармония. И вдруг натыкаешься на разочаровывающую дату в углу картины: 1992. Получается, автор с какого-то момента пользовался своими находками буквально десятилетиями. Не знал до конца, что бы ему нарисовать сообразно моменту.

У Гарифа Басырова — другое. Первый зал заполнен рисунками, собственно, и созданными художнику имя в период его сотрудничества с журналом «Химия и жизнь». Посмотришь на них и не перелутаешь: это ведь наши будни семидесятых-восьмидесятых, времен «бровеносца в потемках» и Олимпиады-80. По части попадания в суть изображенного времени искусство Басырова — графический аналог песен Александра Галича или прозы братьев Стругацких, где совершеннейшая фантастика изощренно сплетается с приметами советского бытия. Выставку открывает тушевой «Автопортрет с завязанными ушами» (1980), а также серия рисунков «Спорт», где пухлые дядьки в несвежих костюмах то становятся на мостик, то залезают друг другу на плечи; этакая производственная гимнастика где-то в окрестностях кольцевой автодороги. Потом идут «Диалоги» и «Долгое лето», знаменитые «Обитаемые пейзажи». Похоже, музей действительно следил за басыровским творчеством: многие из этих листов помню со времен групповой выставки с его участием в зале на отдаленной от центра улице Вавилова — в месте, сегодня совершенно выпавшем из контекста выставочной жизни. Трудно теперь представить, что

вот эти басыровские офорты или карандашные рисунки на тонированной бумаге, рассказывающие не о политике, но об одиночестве людей в урбанистических джунглях позднесоветского времени, четверть века назад могли восприниматься как полнейшее диссидентство. В беседе с корреспондентом **Газеты** искусствовед Вильям Мейланд, бывший одним из авторов так и не опубликованных статей к той «вольнодумной» выставке, напомнил, как трудно складывалась тогдашняя экспозиция. Точнее, как непросто было получить разрешение чиновников на ее открытие — в первую очередь именно из-за пронзительных вещей Басырова. Пришлось трижды менять подборки его графических листов, прежде чем удалось добиться искомого благословения. Но Басыров уже тогда был художником плодотворным и способным сказать об одном и том же разными словами.

Он не стремился быть современным. Устроители нынешней выставки приводят слова художника: «Я всегда держался в стороне от актуальных (модных) в данный момент направлений, идей или группировок художников и арт-критиков». Тем не менее Гариф Басыров ощущал необходимость меняться во времени и не тиражировать найденные приемы, насколько бы они ни были удачны. Второй зал экспозиции — дайджест творческих поисков последних лет: здесь и абстрактные коллажи, показанные просто под номерами, и трехмерные «Инкубусы» — объекты из крашеного дерева с вкраплениями керамики и камня. А также работы 1990-х годов — главным образом из серии «Неосуществленное».

В последний раз работы художника Третьяковка показывала на выставке новых поступлений (Гариф Басыров. Букет. 1986)